

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ: МЕНТАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.Ю.Буянова

RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS AS ETHNIC AND CULTURAL CONSTANTS: MENTAL AND AXIOLOGICAL ASPECT

L.Yu.Buyanova

Кубанский государственный университет, Краснодар, lub_prof@mail.ru

Рассматривается специфика русского паремийного континуума с позиций этнокультурного подхода; пословицы и поговорки интерпретируются как особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни, народного духа и национального мироосмысления. Как уникальный когнитивно-аксиологический сложный знак русская паремия осуществляет функцию национальной культуры.

Ключевые слова: этнокультурная константа, этнорусоним, лингвистические маркеры, народная аксиосфера, квант информации, вербальные поведенческие регулятивы

The article deals with the specificity of Russian proverbs from a perspective of ethnic and cultural approach. Proverbs and sayings are viewed as a special mental and cognitive layer, a verbal "mould" of people's life, national genius and world view. As a unique cognitive and axiological complex sign, a Russian proverb performs the function of a national cultureme.

Keywords: ethnic and cultural constant, ethnorusonym, linguistic markers, national axiosphere, quantum of information, verbal behavioural regulatives

Современная паремиология ищет и находит новые подходы к анализу пословиц и поговорок как бесценных фактов культурно-аксиологического развития национального языка и языкового сознания, как таких когнитивных структур, в которых в вербализованном виде представлена комплексная система ценностей носителей языка, быт и традиции русского народа.

Русское паремийное (состоящее из системной совокупности паремий) пространство представляет собой оязыковлённый результат сложнейшей креативной деятельности мышления, осуществляемой в процессах и процедурах категоризации и концептуализации мира. Таким образом, русские паремии во всём своём семантико-видовом / типологическом многообразии — это особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни, народного духа и национального мироосмысления. Однако, как признают исследователи, в современных лингвистических трудах паремии продолжают относить к разным сферам устойчивых образований; «связано это, скорее, не столько с разным пониманием категориальной сущности паремий, сколько с неоднородностью их природы и многокачественной семантико-прагматической организацией» [1].

По нашим наблюдениям, пословицы и поговорки русского народа выполняют функцию национально-репрезентативных операторов и лингвистических маркеров русской народной аксиосферы, представляя собой кванты обыденного знания, в которых в образно-символьной форме кодируются и передаются от поколения к поколению в неизменном виде национально и культурно маркированные оценки и главные для русского этноса нравственно-

этические, моральные нормы и стереотипы. В этом проявляется феномен универсальности познавательных (когнитивных) механизмов человеческого восприятия мира. Следует отметить в этой связи, что пословицы и поговорки выполняют функцию вербальных поведенческих регулятивов, отражающих в образно-экспрессивной форме квалификацию и оценку народом тех или иных лиц, явлений, событий, ситуаций, отношений, действий, поступков. Таким образом, результаты длительного исследования прагматико-функциональной аспектности паремий позволяют нам признать справедливыми выводы учёных о том, что «вопросы, связанные с изучением паремических корреляций, с установлением содержания понятия культурной значимости паремий, а также собственно с попытками анализа национального менталитета в ходе описания паремической семантики и прагматики, относятся к числу приоритетных в современной славянской паремиологии» [1]. Русские пословицы и поговорки в этом плане можно охарактеризовать как национальные стереотипы народной культуры, так как их когнитивная, семиотическая, образно-ассоциативная и денотативно-ситуативная мотивированность определяются менталитетом и мировосприятием самого народа. Формируясь на основе дидактико-оценочного и образно-экспрессивного представления действительности, паремии отражают и выражают обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, его традиции и специфику его национальной культуры.

Информационно-семантический «каркас» паремий в целом состоит не только из образно переосмысленных значений, ситуаций, представлений, но и оценок, эмоций, культурных установок. Так, выделя-

ются следующие составляющие их кванты информации: 1) денотативная информация; 2) оценочная информация; 3) мотивационная информация; 4) эмотивно-оценочная информация; 5) стилистическая информация. В силу этого культурно-информативный и прагматический потенциал русских паремий весьма значителен, что также позволяет интерпретировать их как этнокультурные константы языка и языкового сознания социума.

Отметим, что в пословицах и поговорках в большей мере, чем в других языковых единицах, проявляется субъективный человеческий фактор, отражающий лингвокреативный потенциал человеческого мышления, и огромный потенциал особого типа коммуникации — межпоколенной.

Паремиологический фонд русского языка, выступая вербально-ментальной основой и специфическим «зеркалом» русской народной культуры, воссоздаёт во всём многообразии картину русской жизни прошлых времён, в которой этноментально-значимыми были исконно русские реалии. В пословицах и поговорках запечатлены такие специфические **этнорусонимы** (термин наш. — Л.Б.), при восприятии которых сразу возникает ассоциация с Русью: например, лексемы-этнорусонимы **снег** (*Зимой снега не выпросишь*); **аршин** (*Мерить на свой аршин; Видеть на три аршина в землю*); **вожжи (вожжа)** (*Вожжса под хвост попала*); **балалайка**; **верста**; **оглобли** и мн.др.

Важное значение для репрезентации традиций, обычаев и культурной жизни социума имеет способность паремий отражать также специфику репрезентации и оценки русским менталитетом социальных ролей мужчины и женщины в истории и жизни этноса (*Жена не лапоть (сапог), с ноги не скинешь; Дом вести — не бородой трясти; Муж — голова, жена — душа; Без мужа, что без головы; Муж в дому, что глава на церкви; Злая жена сведет мужа с ума и т.п.*). Паремии, таким образом, выступают неисчерпаемым источником культурно-национальной интерпретации действительности, так как они содержат обширные сведения о мировидении и нравственных установках народа.

Итак, есть все основания рассматривать пословицы и поговорки как этноментальные образы сознания, характеризующиеся национально-культурным колоритом. В.В.Колесов предлагает следующее определение ментальности: «Ментальность есть **мировосприятие** в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [2].

Теория ментальности дала возможность анализировать механизм формирования общественного сознания и исследовать механизм взаимодействия и взаимопонимания различных культур, что привело к появлению в лингвистике новых исследований, опирающихся на взаимодействие и взаимопроникновение языка и культуры. По мнению российских лингвистов, языковое сознание и культурные ценности (собственно культурные категории и установки) отображаются и фиксируются в языке в виде ментальных моделей обыденной картины мира. Таким образом, в

языке, опирающемся на контекст культурных традиций, опредмечивается национальное мировидение и миропонимание. В то же время необходимо отметить и обратное соотношение: если языковое сознание и культурные стереотипы объективируются в языке в виде ментальных моделей картины мира, значит ментальность, как неотъемлемое свойство, атрибут сознания, одновременно выступает имплицитным свойством языка, без которого язык не может существовать и выполнять важнейшие социопсихические функции. Именно в силу этих факторов мы определяем русскую паремиологию, весь паремиологический фонд русского национального языка как уникальную ментально-оценочную отражательную систему.

Выдающийся русский лексикограф и этнограф В.И.Даль отмечал, что пословица «не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометие. Сборник же пословиц — свод народной опытной премудрости и суетмудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый. ... что не дошло до народа, не касалось жителя-бытия его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось, добром либо лихом, в быт его, то найдете и в пословице» [3].

Отражая народную мудрость и ценностную картину мира русских, пословицы и поговорки отличаются высокой метафоричностью, образностью, чему способствует их двуплановость, наличие буквального и переносного смыслов; они способны выражать как авторитарную, так и гуманистическую этические системы. Так, например, «этические» паремии с компонентом-лексемой «грех» и ей однокоренными репрезентируют и онтологическую греховность каждого человека (*Рожденные во плоти причастны к греху. Грешна душа — во что Бог поставит*); и то, что право и возможность выбора между добром и злом есть у каждого, что жизненный путь может выбирать сам человек (*Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой. Грешному путь вначале широк, да после тесен. Грехи не пироги, пережевывай, не проглотишь*) и т.п.

В национальных паремиях как этнокультурных константах запечатлено также особое отношение русского народа к таким важнейшим категориям, как **деньги, богатство и бедность**, причём чаще всего богатство осуждается и определяется как великий грех перед Богом в случае, если оно нажито нечестным способом или несправедным трудом: *Денежка — молитва, что острая бритва (т.е. все грехи сбреет). Деньга пона купит и Бога обманет (т.е. по грехи скроет). Грехов много, да и денег вволю. Богатство перед Богом — великий грех, а бедность — перед людьми. Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом.*

Опираясь на результаты проведённого анализа, мы поддерживаем позицию исследователей, считающих, что в рамках когнитивно-прагматического подхода паремии целесообразно рассматривать как «осо-

бую разновидность прецедентных единиц языка, поскольку они являются своеобразными выразителями народной идеологии, живущей и развивающейся внутри культуры под влиянием множества факторов, во всех её внутренних противоречиях» [1].

В заключение сформулируем основные результаты работы. Следует констатировать, что «культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода “матрицу”, в рамках которой формируется ментальность. Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в “коллективном сознании”» [4]. Выступая уникальным когнитивно-аксиологическим сложным знаком, русская пословица осуществляет функцию национальной культуры, максимально однозначно и семантически адекватно актуализирующей тот или иной фрагмент русской языковой картины мира. В пословицах и поговорках отражены в эмоционально-экспрессивной форме парадоксы мышления и поведения россиян, особый исторический и культурный контекст их бытия на протяжении всего периода существования и развития нации.

1. Семененко Н.Н. Русские пословицы: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол, 2011. С. 4, 5, 6, 16.
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 11.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 3. М., 2008. С. 15.
4. Лурье С.В. Изучение этнической картины мира как междисциплинарная проблема // Общественные науки и современность. 2000. №5. С. 24.

References

1. Semenenko N. N. Russkie paremii: funkicii, semantika, pragmatika [The Russian proverbs: functions, semantics, pragmatics]: Monograph. Stary Oskol, 2011, p. 4, 5, 6, 16.
2. Kolesov V.V. Russkaja mentalnost v jazyke i tekste [Russian mentality in the language and the text]. Saint Petersburg, 2007, p. 11.
3. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: 4 vols. Vol. 3. Moscow, 2008, p. 15.
4. Lurie S.V. Izuchenie jetnicheskoi kartiny mira kak interdisciplinarnaja problema [The study of the ethnic worldview as an interdisciplinary problem]. Obshchestvennye nauki i sovremennost, 2000, no. 5, p. 24.